

СОДЕРЖАНИЕ

РАННИЕ ТЕКСТЫ (1950–1954)

ДОМ БУЭНДИА (наброски к роману) <i>Перевод А. Мирюловой.</i>	7
ДОЧЬ ПОЛКОВНИКА (наброски к роману) <i>Перевод А. Мирюловой.</i>	10
СЫН ПОЛКОВНИКА (наброски к роману) <i>Перевод А. Мирюловой.</i>	13
ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕМЕ (наброски к роману) <i>Перевод А. Мирюловой.</i>	16
ИСАБЕЛЬ СМОТРИТ НА ДОЖДЬ В МАКОНДО <i>Перевод Ю. Грейдинга.</i>	18
ОН ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ <i>Перевод А. Мирюловой.</i>	27
ДЕНЬ ПОСЛЕ СУББОТЫ. <i>Перевод А. Борисовой.</i>	33

ШАЛАЯ ЛИСТВА. <i>Перевод Д. Синицыной.</i>	61
--	----

ПОЛКОВНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

<i>Перевод В. Капанадзе.</i>	161
--	-----

ПОХОРОНЫ ВЕЛИКОЙ МАМЫ

ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЙ ЗНОЙ ВО ВТОРНИК <i>Перевод Ю. Грейдинга.</i>	231
ОДНАЖДЫ. <i>Перевод Д. Синицыной.</i>	240

В НАШЕМ ГОРОДКЕ ВОРОВ НЕТ <i>Перевод Ю. Грейдинга</i>	244
РАСЧУДЕСНЫЙ ДЕНЬ БАЛЬТАСАРА <i>Перевод Ю. Грейдинга</i>	275
ВДОВА МОНТЬЕЛЬ. <i>Перевод Ю. Грейдинга</i>	285
ИСКУССТВЕННЫЕ РОЗЫ. <i>Перевод Ю. Грейдинга.</i>	293
ПОХОРОНЫ ВЕЛИКОЙ МАМЫ. <i>Перевод Э. Брагинской</i>	300
ПРОКЛЯТОЕ ВРЕМЯ. <i>Перевод Е. Марковой</i>	321

•
ГАБРИЭЛЬ
ГАРСИА МАРКЕС

ДОРОГА
В МАКОНДО

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-82(861)
ББК 84(7Кол)-44
Г20

Серия «Neoclassic проза»

Gabriel Garcia Marquez
CAMINO A MACONDO

Перевод с испанского

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературного агентства
AGENCIA LITERARIA CARMEN BALCELLS, S.A.

Г20 **Гарсиа Маркес, Габриэль.**
Дорога в Макондо : [сборник : перевод с испанского] / Габриэль Гарсиа Маркес. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-146156-0

Габриэль Гарсиа Маркес – величайший писатель XX века, лауреат Нобелевской премии, автор всемирно известных романов «Сто лет одиночества», «Любовь во время чумы» и «Осень патриарха».

Гарсиа Маркес неоднократно заявлял, что для того, чтобы написать книгу, сначала ты должен понять, как ее нужно писать, а потом уже садиться за пишущую машинку. Он «прожил» больше пятнадцати лет в Макондо, прежде чем смог написать свой главный роман, литературное чудо всех времен – «Сто лет одиночества». Предлагаемая антология позволяет читателю проследить путь, которым на ощупь двигался автор, увидеть, как постепенно формировалась магическая вселенная Макондо, от первых набросков 1950 года к «Проклятому времени», ставшему своеобразной прелюдией к роману «Сто лет одиночества».

УДК 821.134.2-82(861)
ББК 84(7Кол)-44

ISBN 978-5-17-146156-0

© Heirs of GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Ранние тексты
1950–1954

Дом Буэндиа

(наброски к роману)

В доме свежо, влажно по ночам, даже летом. Он стоит на севере, в конце единственной улицы селения, на высоком, крепком бетонном фундаменте. Крыльцо приподнятое, лестницы нет; видно сразу, что в просторной зале мало мебели; два окна от пола до потолка выходят на улицу — вот единственное, что выделяет этот дом среди прочих домов селения. Никто не припомнит, чтобы двери в течение дня бывали закрыты. Никто не припомнит, чтобы четыре плетеных кресла-качалки стояли в других местах или в другом положении: они расставлены квадратом, посередине залы, утратив, кажется, способность предоставлять отдых и став теперь простым, бесполезным украшением. Теперь в углу стоит граммофон, рядом с увечной девочкой. Но раньше, в первые годы века, дом был тихим, скорбным; возможно, самым тихим и скорбным в селении, с этой огромной залой, занятой лишь четырьмя [...] (теперь над шкафчиком для кувшинов — фильтровальный камень, замшелый) в углу, противоположном тому, где сидит девочка.

По одну и другую сторону от двери, ведущей в единственную спальню, висят два старинных портрета, перетянутых траурной лентой. Сам воздух в зале несет в себе некую суровость, холодную, но элементарную и здоровую, как узелок с подвенечным платьем, что раскачива-

ется над дверью в спальню, или сухая ветка алоэ, украшающая изнутри входную дверь.

Когда Аурелиано Буэндиа вернулся в селение, гражданская война уже закончилась. От тяжелого паломничества новоиспеченному полковнику вроде бы ничего не досталось. Разве что военное звание и смутное, неосознанное чувство беды. Но также и половина смерти последнего Буэндиа, и полный голодный паек. Еще тоска по домашнему быту и желание иметь жилище спокойное, мирное, без войны, чтобы через высоко поднятое крыльцо проникало солнце, а в патио висел гамак между двух столбов.

В селении, где находился дом предков, полковник и его супруга нашли только пеньки от сожженных дотла столбов и высокую насыпь, чисто выметенную изо дня в день дуящими ветрами. Никто не узнал бы места, где раньше стоял дом. «Так было светло, так чисто», — молвил полковник, припоминая. Но среди пепелища, там, где раньше был задний двор, все еще зеленел миндаль, словно воскресший Христос среди обломков, рядом с деревянным домиком отхожего места. С одной стороны дерево было тем же, что затеняло двор старых Буэндиа. Но с другой, с той, что была обращена к дому, простирались траурные ветви, обугленные, будто половина миндаля жила в осени, а другая половина — в весне. Полковник припоминал разрушенный дом. Припоминал ясный свет, беспорядочную музыку, сотворенную из излишков всех тех звуков, которые переполняли его, выплескиваясь наружу. Но припоминал также резкий, пронзительный запах нужника подле миндаля и внутренность каморки, насыщенной глубокой тишиной, разделенной на полосы древесной тенью. Среди обломков, разгребая мусор, донья Соледад нашла гипсового святого Рафаила со сломанным крылом и резервуар от лампы.

Там они и построили дом, лицом на закат, в направлении, противоположном тому, какое имел дом Буэндиа, погибших на войне.

Строительство началось, едва прекратились дожди, без подготовки, без заранее обговоренного порядка. В яму, куда будет вкопан первый столб, сунули, не церемонясь, гипсового святого Рафаила. Возможно, полковник ни о чем таком не думал, когда чертил план на земле, но подле миндаля, там, где стоял нужник, в воздухе задержалась та же плотная свежесть, какая была на этом месте, когда там был задний двор. Стало быть, когда выкопали четыре ямы и сказали: «Таким вот и будет дом, с просторной залой, чтобы дети играли», лучшее уже проявило себя. Будто бы люди, снявшие мерку с воздуха, начертали границы дома в точности там, где заканчивалась тишина двора. Ибо когда поднялись четыре столба, огороженное пространство стало уже чистым и влажным, как сегодняшний дом. Он включил, заключил внутри себя свежесть дерева и глубокую таинственную тишину отхожего места. Снаружи осталось селение, его жара и шум. И через три месяца, когда воздвигли крышу, когда побелили стены и навесили двери, внутри дома осталось — до сих пор остается — что-то от двора.

ДОЧЬ ПОЛКОВНИКА

(наброски к роману)

В церкви был стул, предназначенный для полковника Аурелиано Буэндиа, за последними скамьями, прямо под хорами. Рядом со стулом — свободное место, куда маленькая Ремедиос клала подушечку для преклонения колен. Полковник сидел на стуле только во время проповеди. В первое воскресенье Ремедиос не знала, что ей делать, когда отец уселся. Она все время простояла, не двигаясь, ноги затекли, и разболелись колени. Потом, когда священник спустился с кафедры, полковник встал, и девочка уже не чувствовала ни тяжести в ногах, ни боли — не потому, что сдвинулась с места, а потому, что, когда священник умолк и отец встал, девочка подумала, что месса кончилась. Во время следующих месс Ремедиос уже знала, хотя ни о чем не спрашивала, что, пока читается проповедь, ей следует садиться на ближайшую скамью, но подушечку убирать не надо.

В те дни в ее сознание начинала проникать реальность селения, Ремедиос начинала понимать, почему должна жить в доме, который то и дело посещал страх. В школе она научилась шить. Научилась делать украшения для одежды и, наверное, начинала верить, что это и есть жизнь, пока не закончился год, еще до того, как ее сестренка научилась держаться на ногах. На следующий год она не вернулась в школу. Ремедиос сама не знала

почему, но четыре года спустя вспоминала, что на каникулах ходила в церковь с женщинами, а с отцом за все четыре года ни разу не заговорила и не посмотрела ему в глаза.

С женщинами она сидела на ближней скамье, перед священником. Тогда она и услышала впервые церковное пение. Ремедиос не удивилась тому, что пришлось поменять место в храме. Возможно, в ее возрасте она и не задумывалась над тем, что означает другая компания во время мессы. Но впервые услышав пение, она испугалась: смутилась. Архангел Гавриил с воздетой рукой и сложенными крыльями тоже, наверное, услышал голоса певцов, ибо Ремедиос увидела, как его туника покрывает собой все пространство музыки, и увидела, как складки туники шевелит легчайший бриз — вырвавшийся из плена совершенный ветер нового творения. Она только знает, что обернулась (музыка звучала за ее спиной) и не увидела певцов, зато в конце центрального придела увидела отца, стоящего навтыяжку рядом с пустым местом, где целый год лежала ее подушечка. И увидела в отце всего лишь человека, такого трогательного, одинокого и покинутого, в конце придела. Только тогда ей захотелось стоять там, рядом с отцом, чувствуя, как немеют колени.

Может быть, Ремедиос не помнит, что тогда она во второй раз взглянула на отца, и лицо его уже не показалось птичьим, оно было точно таким, каким она хотела его видеть на протяжении долгих лет, когда полковник восседал во главе стола.

Внезапно мир отца для нее прояснился. Будто голоса певцов раздвинули завесу, которая всю ее жизнь находилась между ней и отцом. Тогда она поняла, почему отец никогда не заговаривал с ней, и поняла, что отцу не нужно говорить с младшей дочерью, если дочь умеет все

делать вовремя, как следует, точно так, как отец бы того хотел. И поняла, что, когда она шла по воскресеньям на восьмичасовую мессу, держась за руку отца, со стороны он выглядел именно тем, что он есть. Мужчиной, ведущим за руку девочку, с которой не нужно перекидываться словами.

Это случилось в воскресенье. С понедельника Ремедиос начала быстро расти.